

УЧЕНИЕ ПРП. НИКИТЫ СТИФАТА О «ЧЕТЫРЕХ ГЛАВНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ» В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЧАСТЬ I

Игумен Дионисий (Шленов)

кандидат богословия
профессор кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
dionysij@mail.ru

Для цитирования: *Дионисий (Шленов), игум.* Учение прп. Никиты Стифата о «четырех главных добродетелях» в контексте античной и византийской литературы. Часть I // Богословский вестник. 2019. Т. 32. № 1. С. 192–209. doi: 10.31802/2500-1450-2019-32-192-209

Аннотация

УДК 248.145 (276)

В XI в. монах Студийского монастыря прп. Никита Стифат в аскетико-богословском корпусе своих сочинений неоднократно пользовался выражениями «главные добродетели» и «главные страсти». В статье делается попытка раскрыть смысл выражения «главные добродетели», систематизировать представления автора о четырех главных добродетелях, известных ему от античной традиции через посредство христианских авторов, продолжавших и далее свободно пользоваться этим выражением. Общий контекст позволяет выявить своеобразие автора, который сравнивает «четыре главные добродетели» с четырехчастностью человеческой души как великого мира по сравнению с внешним, малым, миром, состоявшим, согласно античным представлениям, из четырех первоэлементов. Особо рассматривается еще более детализированное сравнение четырех добродетелей с четырьмя способностями высшей части души — разума. Наряду с этим, автор сопоставляет пять чувств тела и пять разумных сил души. Для прп. Никиты четыре главные добродетели являются основополагающими, что не исключает особого внимания автора к ряду других ключевых добродетелей, таких как смирение и любовь. Учение о четырех главных добродетелях отсутствует в корпусе сочинений учителя прп. Никиты — прп. Симеона Нового Богослова, что сильнее подчеркивает более «школьный» и компилятивный характер наследия Стифата. Учение Стифата рассматривается в контексте античной и византийской литературы.

Ключевые слова: аскетика, Студийский монастырь, добродетели, страсти, главная добродетель, символика числа четыре, аретология.

Введение

В античной традиции, начиная с Платона и Аристотеля, утвердилось представление о «четырех¹ главных добродетелях» (τέσσερις γενικαὶ ἀρεταί) и в меньшей мере — о «двух» или «четырех главных страстях» (τέσσερα γενικὰ πάθη). Следует отметить, что и в новой аксиологической системе христианской аретологии четыре добродетели: рассудительность, справедливость, умеренность/целомудрие и мужество (φρόνησις, δικαιοσύνη, σωφροσύνη, ἀνδρεία) — продолжали в их античном составе занимать важную, хотя и несколько периферийную роль вплоть до самого падения Византии и далее. К примеру, свт. Василий Великий, автор первой законченной аскетической монашеской системы и один из родоначальников монашеского жительства, призвал «достигнуть умеренности/целомудрия и мужества, справедливости и разума и прочих добродетелей, которые подчиняются этим четырем главным...»², а св. Нил Анкирский писал о четырех главных добродетелях и противостоящих им четырех проявлениях злобы³. В настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть учение о «четырех главных добродетелях» автора XI в. прп. Никиты Стифата в контексте предшествующей и последующей греческой христианской литературы.

В XX в. исследователи изучали главные, или кардинальные, добродетели в западной традиции (*prudentia, justitia, temperantia, fortitudo*)⁴,

- 1 Представление о трех «главных добродетелях» не было столь распространено и обозначало трехчастное деление философии на физику, нравственность и логику. См., например: *Ps.-Plutarchus. Placita philosophorum // Stephanus P. 874E:4–7*. «Существует три наиглавнейшие добродетели: природная, нравственная, разумная, по этой причине и философия является трехчастной, часть которой природная, часть — нравственная и часть — разумная...» (ἀρετὰς δὲ τὰς γενικωτάτας τρεῖς, φυσικὴν ἠθικὴν λογικὴν· δι' ἣν αἰτίαν καὶ τριμερὴς ἐστὶν ἡ φιλοσοφία, ἧς τὸ μὲν φυσικόν, τὸ δ' ἠθικόν, τὸ δὲ λογικόν...).
- 2 *Basilii Caesariensis. Epistula 2, 2:67–71 / ed. Y. Courtonne. P., 1957. Vol. 1. P. 8.*
- 3 *Nilus Ancyranus. Liber 1, epistula 223:1–4 // PG. 79. Col. 164.*
- 4 О четырех главных добродетелях см.: *Bejczy I. P. The Cardinal Virtues in the Middle Ages. A Study in Moral Thought from the Fourth to the Fourteenth Century. Leiden; Boston, 2011; Becker M. Die Kardinaltugenden bei Cicero und Ambrosius: De officiis. Basel, 1994; Bovendeert J. Kardinale deugden gekerstend. De vier kardinale deugden vanaf Ambrosius tot het jaar 1000. Nijmegen, 2007; Mühl S. Quadriga virtutum: Die Kardinaltugenden in der Geistesgeschichte der Karolingerzeit. Köln, 1969; O'Connell. Cardinal Virtues. Boston (Massachusetts), 1918; Pieper J. The four Cardinal Virtues Prudence, Justice, Fortitude, Temperance. New York, 1965; Воронцов С. А. Преломление стоической и патристической традиций понимания схемы четырех добродетелей в сочинениях Исидора Севильского // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 108–114.*

оставляя, как правило, византийскую традицию на периферии своих трудов. Так, например, в монографии И. Бейци патристическая эпоха представлена в лице свт. Амвросия Медиоланского, блж. Иеронима и Августина. Исходя из анализа текстов латинской патристики, автор на примере четырех добродетелей описывает концепции секулярной и религиозной морали, а сами четыре добродетели оказываются, по мере отражения ими христианской нравственности, «христианизируемыми» или «христианизированными»⁵. Более детальное изучение материала на примере греческой патристики позволит скорректировать и уточнить данную картину.

Как известно, прп. Никита Стифат, монах Студийского монастыря, а в конце жизни его игумен, в юные годы был учеником прп. Симеона Нового Богослова. Благодаря Стифату сохранился корпус богословских сочинений прп. Симеона, поскольку ученик занимался перепиской и отчасти редактированием сочинений учителя. Несмотря на такую тесную связь между учителем и учеником, прп. Никита в своем корпусе сочинений никогда прямо не цитировал прп. Симеона, хотя при сравнительно-сопоставительном текстологическом анализе можно выявить как сходства, так и отличия⁶. После проведенного поиска по ключевым словам можно констатировать, что упоминание о «четырех главных добродетелях» неоднократно встречается в корпусе сочинений прп. Никиты и ни разу среди оригинальных сочинений прп. Симеона Нового Богослова. Тем более пристальное внимание можно обратить на учение прп. Никиты как на оригинальное в данном вопросе.

Предварительно можно отметить, что в статье используется перевод выражения *ὑεὐκαὶ ἄρεταί* как «главные добродетели». Прилагательное *ὑεὐκός*, согласно LSJ, имеет несколько значений: 1) родовой, главный, образцовый; 2) состоящий из семей; 3) плотской; 4) общий; 5) родительный (падеж)⁷. В Патристическом греческом лексиконе

5 См.: Воронцов С. А. Рец. на: *Bejczy I. P. The Cardinal Virtues in the Middle Ages. A Study in Moral Thought from the Fourth to the Fourteenth Century.* Leiden; Boston: Brill, 2011. VIII, 361 p. // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2012. № 3 (41). С. 147.

6 См.: Дионисий (Шленов), игум. Учение о воскресении души у свт. Симеона Нового Богослова и Никиты Стифата // Преподобный Симеон Новый Богослов и его духовное наследие. М., 2017. С. 342–344.

7 См.: *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon.* Oxford, 1961–⁹1996. P. 343–344.

В греческом корпусе TLG-on-line прилагательное *ὑεὐκός* встречается 13,511 раз. Наиболее часто у Константинопольского автора IX в. диакона Георгия Хировоска (1438 раз).

«главный» оказывается первым основным значением данного слова⁸. Для понимания важности и многогранности данного выражения можно привести переводческую «палитру» на примере славяно-русской традиции перевода сочинений прп. Никиты, включенных в состав «Добротолюбия». Выражение *γενηκαὶ ἀρεταὶ* переводилось прп. Паисием Величковским как «родные», «соборные» или «главные добродетели»⁹. В печатном тексте славянского «Добротолюбия», отредактированном справщиками, в аналогичных случаях приводятся следующие варианты: «первейшие» или «обдержательные»¹⁰, а в русском «Добротолюбии» свт. Феофана — «главнейшие добродетели»¹¹ или просто «главные»¹². Таким образом, эпитет «главный» использовался двумя творцами славянского и русского «Добротолюбия» соответственно.

Постараемся изложить учение прп. Никиты о «главных добродетелях».

Учение прп. Никиты о «главных добродетелях»

Следует отметить, что в отличие от ряда других христианских авторов прп. Никита под четырьмя «главными добродетелями» понимает вышеуказанные добродетели в полном и точном вышеуказанном составе.

Наиболее часто прп. Никита использует выражение «главные добродетели» в первом трактате так называемой Трилогии, который называется «О душе», и в первой «Сотнице» из трех сотен глав. В трактате «О душе» они упоминаются и описываются в главах: 26, 27, 28, 29, 50, 54, 58 и 68. Во втором трактате Трилогии, «О рае» (25), один раз говорится о «самых важных бедах», без упоминания о соответствующих им по числу добродетелях. Также и в первой «Сотнице» «главные добродетели» упоминаются в главах: 12, 13, 38, 72, 96, во второй — в главе 12 и в третьей — в главе 95.

8 См.: Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford; New York, 2004. P. 311.

9 Син. 930. Л. 244. Яц. 62. Л. 90 об. Прп. Паисий Величковский так и переводил в черновике «Сотниц», предлагая также другие возможные варианты, например, при переводе 49 гл. из 3-й Сотницы: «соборные» и «главные» (см., например, варианты из славянской рукописи 2 половины XVIII в. из собрания А. И. Яцимирского (Яц. 62. ЛЛ. 1–122 [БАН])).

10 *Nicetas Stethatus*. Centuria 1, 96 // PG. 120. Col. 897:12. Слав. пер.: Добротолюбие на славянском языке. М., 2001. С. 393.

11 *Nicetas Stethatus*. Centuria 1, 96 // PG. 120. Col. 897:12. Рус. пер.: Добротолюбие в русском переводе. М., 1900. Т. 5. С. 109.

12 *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 12 // PG. 120. Col. 905:19. Рус. пер.: Добротолюбие в русском переводе. Т. 5. С. 115.

Несмотря на достаточно компилятивный характер трактата «О душе», зависящего, особенно, в своей первой части от «Изложения православной веры» прп. Иоанна Дамаскина и от ряда мыслей из «Слов» свт. Григория Богослова¹³, выражение «главные добродетели» берется прп. Никитой из неопределенного нами источника как общее достояние предшествующей аскетической и нравственной традиции. В отличие от прп. Иоанна Дамаскина¹⁴ термин «главный» понимается прп. Никитой исключительно как описывающий добродетели души без какого-либо применения сего термина в области философии или богословия¹⁵.

Во втором послании «к близкому другу», предворяющем трактат «О душе», прп. Никита Стифат пишет: «Питайся обильно от них, если хочешь, — а ведь ты хочешь, будучи составлен из четырех воедино, — и, укрепившись, ублажи четверицу главных добродетелей (τῆν τετρακτὴν τῶν ὑενικῶν ἀρετῶν), конечно, в соответствии со стихиями души»¹⁶. В данном случае он делится своим собственным опытом — теоретическим и практическим — приведения в соответствие аскетики и психологии, учения о добродетелях и учения о силах, или частях, из которых состоит душа. Выражение «стихии души» использовалось Эмпедоклом, а вслед за ним Платоном в «Тимее», о чем особо упоминает Аристотель в трактате «О душе», а именно: земля, вода, эфир¹⁷, огонь¹⁸. Данным античным учением прп. Никита мог пользоваться опосредованно, например, через посредство прп. Максима Исповедника, который, предворяя рассуждения прп. Никиты, писал:

«Подобно тому, как началом и устройством наших тел являются четыре элемента, так и устройство и начало души из четырех главных добродетелей приводит к совершенству нравов»¹⁹.

- 13 У свт. Григория Богослова слово «главный» используется один раз в совершенно другом смысловом поле: *Gregorius Nazianzenus. De Spiritu Sancto (orat. 31) 19:7–8 // Gregor von Nazianz. Die fünf theologischen Reden / hrsg. J. Barbel. Düsseldorf, 1963. S. 250.*
- 14 Согласно статистике TLG on-line в корпусе сочинений, принадлежащих или приписываемых прп. Иоанну Дамаскину, термин ὑενικός встречается 67 раз.
- 15 Сам прп. Иоанн Дамаскин ни разу не использует выражение «главные добродетели». Единственный случай — в трактате под его именем, взятом из греческого корпуса св. Ефрема Сирина. Подробнее см.: *Дионисий (Шленов), игум. Учение о четырех родовых добродетелях в трактате «De virtutibus et passionibus», приписываемом прп. Ефрему Сирину, в контексте греческой патристической традиции // Преподобный Ефрем Сирий и его духовное наследие. М., 2019. С. 352–364.*
- 16 *Nicetas Stethatus. Epistula 2 ad amicum 1, 3:8–11 // SC. Vol. 81. P. 60.*
- 17 Более традиционный вариант «воздух». Разночтение «эфир/воздух» отражает созвучное произнесение двух греческих слов αἰθήρ/ἄήρ, близких к друг другу и по значению.
- 18 *Aristoteles. De anima // Aristotle. De anima / ed. W. D. Ross. Oxford, 1961 (1967). P. 404b:11–14.*
- 19 *Maximus Confessor. Quaestiones et dubia 87:7–10 // CCSG. 10. P. 68.*

Учение Эмпедокла является для прп. Никиты всего лишь поводом для сравнения четырех добродетелей с душой. Далее в трактате «О душе» он будет писать о четырех первоэлементах в связи с творением мира и предлагать еще более детализированное сравнение.

После окончания пространного цитирования из прп. Иоанна Дамаскина в первой части трактата «О душе» прп. Никита своими словами продолжает излагать учение о душе, которая сотворена из четырех главных добродетелей и из трех «самых главных» сил²⁰. Набор из четырех главных добродетелей, который предлагает прп. Никита, полностью повторяет те добродетели, которые были определены в качестве главных в античности: рассудительность, мужество, справедливость и целомудрие/умеренность (φρόνησις, ἀνδρεία, δικαιοσύνη, σωφροσύνη). Изначально созданного человека он видит украшенного этими добродетелями вместе с тремя силами души: разумной, раздражительной и желательной, которые в сравнении с «главными» добродетелями именуется «наиглавнейшими». Очевидно, что за данной картиной скрывается платоновская антропология, к которой пробудился особый интерес в XI в. в период возрождения так называемого византийского гуманизма в лице Михаила Пселла и позднее Иоанна Итала. Однако сходная терминология у Стифата совсем не означала принятие гуманистических установок этих деятелей. Описание устройства души — это всего лишь повод для того, чтобы призвать человека следовать путем богоугождения.

В следующей главе прп. Никита сравнивает творение мира с творением четырех добродетелей:

«Но, конечно, нужно рассмотреть, как человек был создан особым миром, лучшим и высшим, чем мир, и как в малом видится великим²¹. Но заметьте величие творения. Так вот, из основных четырех начал, а именно из самих главных добродетелей, Бог, взяв из каждой вещество, творит вместе с душой во всем человеке, созданном по Его образу, умопостигаемый и невидимый мир, который с момента своего появления весьма схож с чувственным. И, словно небо, Он простирает в нем рассудительность, под которой распростерт, словно эфир, пыл духовного желания; она сплошь усыпана звездами божественных разумений для яркого блистания жизни; а в душе Он творит, словно два великие светила, познание божественных и познание человеческих вещей для освящения и озарения всего этого мира, подав им не первозданный свет, как солнцу, но первый и Божественный Свет Святого Духа. И, словно землю, Он утверждает в нем справедливость, насадив в душе, словно плодоносные и бессмертные растения,

20 *Nicetas Stethatus. De anima* 26 // SC. 81. P. 86, 88.

21 *Ср.: Nicetas Stethatus. De anima* 16 // SC. 81. P. 78.

нравственные слова деятельного любомудрия для неистощимого пира. И, словно воздух, Он распростирает в нем благоразумие, чтобы обрести чистое дыхание и освежиться от восстаний более неразумной части, то есть от гнета уныния и от жара гнева и похоти. Словно же море вод многих²², в помощь слабой, как песок, природе Он назначает храбрость, чтобы низвергнуть с тверди и высоты²³ древнего змия и чтобы мысль противостояла духам лукавства с терпением и твердостью»²⁴.

Мысль о человеке как о великом мире в малом повторяет аналогичные рассуждения у свт. Григория Богослова и прп. Иоанна Дамаскина²⁵. Однако ни свт. Григорий, ни прп. Иоанн детально не сравнивали устройство мира с человеческой душой и украшающими ее добродетелями. Для прп. Никиты, особо проникнутого идеалом внутреннего сосредоточения и устремления к Богу, устройство мира, состоящего из четырех элементов, дает прекрасный повод обратить внимание на символику числа четыре применительно к душе. Сравнение результатов дней творения с четырьмя добродетелями — еще более оригинально. Небо — это рассудительность, земля — справедливость, воздух — благоразумие или умеренность, море — храбрость. Согласно данному сравнению, самая возвышенная небесная добродетель рассудительности соответствует боговидению. Именно с ней связано учение о необходимости видения невещественного света — Солнца Правды Христа, что по преимуществу является задачей высшей силы души — ума, или разума.

Далее прп. Никита отождествляет «главные добродетели» с раем, первым и единственным актом Божественного творения, что дает ему возможность отыскать новую нумерологическую опорную точку для сравнения. Подобно тому, как из рая проистекают четыре реки других добродетелей, напояющие весь мир, так в в человеческой душе прбывают четыре главные добродетели:

«И из этого удивительного мира, который включает в себя главные добродетели, как из четырех начал, реки всяческих других

22 Ср.: Пс. 31, 6.

23 2 Кор. 10, 4.

24 *Nicetas Stethatus. De anima 27 // SC. 81. P. 88, 90. Рус. пер.: Никита Стифат, прп. Творения. Т. 1. Богословские сочинения / пер. с древнегреч. игум. Дионисий (Шленов). Сергиев Посад, 2011. С. 25–26.*

25 См.: *Joannes Damascenus. Expositio fidei 26:27 // PTS. 12. S. 76; Gregorius Nazianzenus. In Theophania oratio 38, 11 // PG. 36. Col. 324:1.*

добродетелей истекают на исходища вод²⁶ Святого Духа и напояют этот умопостигаемый мир, как град и рай Божий»²⁷.

Следует отметить, что прп. Никита обращал особое внимание на сравнение рая и человеческой души, которое он считал своим собственным оригинальным изобретением²⁸, хотя оно имело глубокую предшествующую традицию²⁹.

В первой Сотнице предлагается более детальное изложение той же мысли:

«По природе в людях были сотворены главные и управляющие добродетели, из которых, как из четырех источников³⁰, реки всех других добродетелей наполняются водами и напояют град Божий, который есть сердце, очищаемое и утешаемое слезами. Кто сохранил эти (добродетели) в нерушимости от духов злобы или, ниспав, воздвигнул их вновь многими трудами покаяния, тот соорудил себе царский дом и дворец, в котором обитель творит Царь всего³¹, и щедро уделает, и дает Свои возвышенные дары тем, которые так себя благоустроили»³².

Здесь «четыре добродетели» названы не реками, а источниками, что не препятствует раскрытию той же единой мысли.

Затем четыре «главные добродетели» сравниваются прп. Никитой со свойствами «четырех первоэлементов», что позволяет ему представить более детальное описание каждой из четырех добродетелей:

«А поскольку Слово берет и четыре главные добродетели как стихии для устройства умопостигаемого мира, в некотором отношении согласно стихиям видимого мира, нужно знать отличительные свойства как одних, так и других. И как каждой из тех свойственно одной тепло и сухость, а другой — влага и тепло, третьей — холод и сухость, четвертой же — влага и холод, так и каждая

26 Ср.: Пс. 1, 3.

27 *Nicetas Stethatus. De anima* 28:8–13 // SC. 81. P. 90. Рус. пер.: *Никита Стифат, прп.* Творения. С. 26–27.

28 См.: *Nicetas Stethatus. De paradiso* 18 // SC. 81. P. 174.

29 Ср.: *Gregorius Nyssenus. De paradiso* [Sp.] // *Gregorii Nysseni Opera, suppl.* / hrsg. H. Hörner. Leiden, 1972. S. 81:6–8 и далее; *Athanasius Alexandrinus. Contra gentes 2* // *Athanasius. Contra gentes and de Incarnatione* / ed. R. W. Thomson. Oxford, 1971. P. 6:31–8:2.

30 См.: Быт. 2, 10.

31 Ин. 14, 23.

32 *Nicetas Stethatus. Centuria 2, 12* // PG. 120. Col. 905B.

из этих добродетелей имеет отличительнейшее свойство. Потому рассудительности свойственна царственность, самовластность и еще способность премудро исследовать глубины понятий и, восседая на троне, всегда вершить суд над чувствами. Справедливости же — способность судить с совершенным беспристрастием и разделять вещи несхожие и неравные, то есть разделение находящихся друг с другом в противоборстве — когда борется худшее с лучшим, — и потому применение разделения благотворно для каждой стороны; и еще [свойственна] способность справедливо взвешивать содержимое мысли и удалять перстное и влекущее долу, а легкое вещество брать себе. А благоразумию — святость и чистота, и к тому же радостное веселие, доставляемое свободой Святого Духа, и миро искренности, и благовонный аромат бессмертия. Мужеству же — выносливость и настойчивость в трудах, и помимо этого способность отсекал мечом слова то, что против природы, от согласного природе движения и пронзая копьем терпения и твердости младенческую трусость»³³.

Данные особенности отчасти зависят от прямого значения той или иной из четырех добродетелей, но в то же самое время являются попыткой как можно более глубоко изложить состояние человека, стремящегося достигнуть святости и даже уже обладающего таковой.

Добродетель рассудительности сравнивается со свойствами первоэлемента огня — теплом и сухостью. Прп. Никита описывает ее как главную руководящую, подобно царю, добродетель. Он также пишет о том, что ей принадлежит самовластие — совершенное проявление человеческого произволения. В античной, а затем христианской традиции произволение соотносилось с высшей разумной силой души — разумом, или с разумной и неразумной силами, или с одной из низших ненаделенных разумным началом сил. Соотнесение самовластия с рассудительностью подчеркивает то, что прп. Никита в данном вопросе придерживается первого, наиболее одухотворенного, варианта понимания уровня христианской свободы как выражения подлинного произволения³⁴.

Вторая добродетель справедливости сравнивается со свойствами первоэлемента земля — влагой и теплом. По сравнению с огнем земля оказывается менее высоким символом. Справедливости приходится

33 *Nicetas Stethatus. De anima 29 // SC. 81. P. 90, 92. Рус. пер.: Никита Стифан, прп. Творения. С. 27.*

34 Например, Прокопий Газский называет произволение «движением ума» души. См.: *Procopius. Catena in Ecclesiasten 2:74–75 // CCSG. 4. P. 17–18.*

выдерживать борьбу противоположных начал и приходиться к истине после мучительного выбора лучшего среди колеблющихся мотивов.

Третья добродетель целомудрия/умеренности сравнивается со свойствами первоэлемента эфир — холодом и сухостью. Ей присуща особая святость и чистота, радостное состояние облагодатствованной Святым Духом души. Описание прп. Никиты приобретает особо одухотворенный характер, хотя в данном случае, как и в предшествующих, он не называет сам первоэлемент по имени.

И, наконец, четвертая добродетель мужества сравнивается со свойствами первоэлемента вода — влагой и холодом. Прп. Никита описывает добродетель мужества в героических тонах. Мужественный, с одной стороны, отличается терпением и выносливостью, а с другой — храбростью и дерзновением.

В последующем повествовании трактата «О душе» прп. Никита сосредотачивается на анализе высшей части человеческой души — разума — и усваивает ему четырехчастный характер³⁵. Четыре добродетели соотносятся теперь не с тремя силами души, а только с человеческим разумом и его способностями.

«... И преодолев таким образом всякое внешнее чувство, она достигает того, что превыше чувства, и наслаждается незримыми благами Божиими, имея главные добродетели, по природе утвержденные в сочетании с главными силами ума, позволю сказать, целомудрие — с понятливостью ума, рассудительность — с его пронизательностью, справедливость — с его восприимчивостью и мужество — с его живостью. Ибо таковы главные силы ума: понятливость, пронизательность, восприимчивость и живость³⁶»³⁷.

Особое значение разума как высшей части души соответствует особому статусу четырех добродетелей как «главнейших»³⁸. В конце

35 Ср.: *Joannes Chrysostomus*. De non iudicando proximo [Sp.] // PG. 60. Col. 766:4–6. «...разум состоит из четырех главных добродетелей: разумности, справедливости, мужества, целомудрия».

36 *Nicetas Stethatus*. De anima 28:8–13 // SC. 81. P. 90. Рус. пер.: *Нукима Стифат, прп.* Творения. С. 26–27.

37 *Nicetas Stethatus*. De anima 50 // SC. 81. P. 112–114. Рус. пер.: *Нукима Стифат, прп.* Творения. С. 39.

38 *Nicetas Stethatus*. De anima 54:2 // SC. 81. P. 116. «Так поистине и бывает: когда душа благодаря владычеству разумной части сочетается с главными добродетелями и с бесплотными умными природами...».

трактата «О душе» данные добродетели описываются, наряду с другими определениями, как «свойства разумной души».

«Итак, свойства разумной части души... есть мыслительная способность, ведение сущих, внутреннее слово, разумное чувство, умозрения об умопостигаемых, главные добродетели, науки, основания искусств, советование, свободный выбор и способность помнить, а способность воображать и телесные чувства свойственны ее неразумнейшей части...»³⁹.

По мере детализации автор все более удаляется от исходного значения четырех главных добродетелей, приближаясь к их духовной интерпретации. Четыре добродетели оказываются удобным инструментом для привлечения внимания к устройству человеческого разума и его силам, правильное состояние которых имеет ключевое значение для человеческого спасения. Духовное сражение за спасение ведется прежде всего человеческим разумом, который пользуется, как оружием, своими четырьмя способностями в соответствии с четырьмя главными добродетелями. Прп. Никита Стифат предлагает своеобразный «конспект» учения о четырех главных силах разума, противостоящих трем главным страстям:

«Главных сил ума четыре: понятливость, пронизательность, восприимчивость и живость. Итак, кто присоединил к ним эти главные добродетели души и сопряг целомудрие души с понятливостью ума: рассудительность — с пронизательностью, справедливость — с восприимчивостью, а мужество соединил с живостью, тот двояко приготовил для себя огненную и бегущую по небу колесницу против трех главнейших начал и сил страстей, выстроившихся в боевом порядке: против сребролюбия, сластолюбия и славолюбия»⁴⁰.

Борьба со сребролюбием, сластолюбием и славолюбием — особый лейтмотив первой сотницы «Деятельных глав»⁴¹. Учение о «главных», или «главнейших», страстных помыслах присутствует в конце трактата

39 *Nicetas Stethatus. De anima 68:1–7 // SC. 81. P. 130. Рус. пер.: Никита Стифат, прп. Творения. С. 49.*

40 *Nicetas Stethatus. Centuria 1, 12 // PG. 120. Col. 856D.*

41 *Nicetas Stethatus. Centuria 1, 38 // PG. 120. Col. 869AB.* «У всех страстей есть три главнейшие начальства, и против них три ополчения. И трое: новоначальный, средний и совершенный, кто одолевает и низвергает их, — трехглавого змея сластолюбия, сребролюбия и славолюбия».

о душе. Данные помыслы составляют число три. «Так вот по этим и по многим другим различным причинам, которые сопутствуют трем главнейшим страстным помыслам, происходит уклонение души»⁴². Представление о трех «причинах величайших зол» содержится в трактате «О рае»⁴³.

Но было бы несправедливо отводить «главным добродетелям» только второстепенное место. Целомудрие, рассудительность, справедливость и мужество упоминаются не только для сравнения, но и рассматриваются как ключевые добродетели, способствующие правильной деятельности ума, пребывающего в состоянии духовной брани и подвига. Последние из вышеприведенных цитат можно понять в смысле взаимодействия всех сил души и разума, когда самые главные добродетели души способствуют максимально правильному функционированию ее руководящего начала — разума.

Главные добродетели — это внутреннее достояние души, позволяющее вступить в Небесное Царствие.

«Ибо если навык в добродетели есть восстановление сил души в древнем благородстве и собрание главных добродетелей вместе в действовании по природе, что не вне, как нечто привнесенное, появляется у нас, но прирождено нам от сотворения по божественному и разумному чувству, через что и вместе с чем двигаясь по природе, мы вводимся в Царствие Небесное, которое однако, по гласу Господа, внутрь нас есть⁴⁴...»⁴⁵.

Прп. Никита продолжает размышлять о них, исходя не столько из темы творения, сколько из важной и определяющей темы самопознания через очищения себя, то есть достижения через духовный подвиг святости и единения с Богом⁴⁶.

В целом в аскетической антропологии прп. Никиты Стифата «главные добродетели» оказываются некой частью более широкого

42 *Nicetas Stethatus. De anima 58:1–3 // SC. 81. P. 120. Рус. пер.: Никита Стифат, прп. Творения. С. 43.*

43 См.: *Nicetas Stethatus. De paradiso 25:18–23 // SC. 81. P. 186. Рус. пер.: Никита Стифат, прп. Творения. С. 78. «Ибо познание зла, которое происходит в человеке от чувственного и приятного приобщения, заставляет его, как раба, власть в причины величайших зол. А причинами величайших зол являются слава, вождление и неразборчивость...».*

44 Лк. 17, 21.

45 *Nicetas Stethatus. Centuria 1, 72 // PG. 120. Col. 884CD.*

46 См.: Дионисий (Шленов), игумен. Принцип «Познай себя» у прп. Никиты Стифата в контексте византийской традиции // БВ. 2018. Т. 28. № 1. С. 96–126.

нравственного целого. Без внешнего искусственного сравнения прп. Никита пишет о добродетели любви и главных добродетелях как основных орудиях в борьбе с духами злобы⁴⁷. Однако мысль об особом приоритете «главных добродетелей» в аскетическом учении Стифата не следует переоценивать исходя из того, какую роль прп. Никита уделяет чисто христианским добродетелям любви, смирения, веры⁴⁸...

Тем не менее «главные» добродетели именуются главными в силу того, что управляют как всеми другими добродетелями, так и чувствами. В результате этого управления люди могут вернуться или вступить в небесные райские обители.

«Когда пятерица чувств подчинена четырем началам главных добродетелей и когда она сохранила покорность им, тогда она устраивает так, что природа тела, сотворенная из четырех стихий, движется безмятежно по кругу жизни. И когда она движется таким образом, тогда силы не восстают друг на друга; но когда страстная часть похотения и гнева соединится с разумной, тогда ум, восприняв природную свою державную власть, из четырех начал делает себе колесницу, а из служебной пятерицы престол и, победив тиранствующую плоть, восхищается на небеса, несомый на четырех конях»⁴⁹.

Соотнесение числа четыре с числом пять значимо для уяснения учения Стифата о преобразении пяти человеческих чувств на пять духовных сил души. Хотя данная тема требует рассмотрения в особой статье, можно отметить общую логику. Пять человеческих телесных чувств сравниваются с силами души, или со свойствами ее высшей силы — разума. Подобное сравнение характерно для античной, а впоследствии — для христианской традиции⁵⁰. Аналогичное соотнесение — но только не такое прямолинейное — возникает и на уровне четырех добродетелей, соотносимых — как и телесные чувства — в самой высокой интерпретации с разумом и его силами.

47 См.: *Nicetas Stethatus*. Centuria 1, 96 // PG. 120. Col. 896D–897A.

48 См., например, о смирении и любви как двух вратах Рая: *Nicetas Stethatus*. De paradiso 31 // SC. 81. P. 192. Рус. пер.: *Никита Стифат, нпр*. Творения. С. 81–82.

49 *Nicetas Stethatus*. Centuria 3, 95 // PG. 120. Col. 1005BC.

50 См.: *Дионисий (Шленов), игум.* Фрагмент о приобщении «знанию и мудрости» в трактате «Об иерархии» (32–40) преподобного Никиты Стифата и его контекст // БВ. 2017. Т. 24–25. № 1–2. С. 220.

Но каковы истоки данного возвышенного учения о «четырех добродетелях»?

Продолжение следует

Библиография

Источники

- Athanasius Alexandrinus*. Contra gentes // *Athanasius*. Contra gentes and de incarnatione / ed. R. W. Thomson. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. 2–132.
- Aristoteles*. De anima // *Aristotle*. De anima / ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1961 (1967). P. 402a1–435b25.
- Basilius Caesariensis*. Epistulae // *Saint Basile*. Lettres, 3 vols. / ed. Y. Courtonne. P.: Les Belles Lettres, 1957. Vol. 1. P. 3–219.
- Gregorius Nazianzenus*. De Spiritu Sancto // *Gregor von Nazianz*. Die fünf theologischen Reden // hrsg. von J. Barbel. Düsseldorf: Patmos-Verlag, 1963. S. 218–276.
- Gregorius Nazianzenus*. In Theophania oratio 38, 11 // PG. T. 36. Col. 312–333.
- Gregorius Nyssenus*. De paradiso [Sp.] // *Gregorii Nysseni Opera*, suppl. / hrsg. von H. Hörner. Leiden: Brill, 1972. S. 75–84.
- Ioannes Chrysostomus*. De non iudicando proximo [Sp.] // PG. T. 60. Col. 763–766.
- Ioannes Damascenus*. Expositio fidei // Expositio fidei // Die Schriften des Johannes von Damaskos, vol. 2 / hrsg. von P. B. Kotter. B.: De Gruyter, 1973. (PTS; Bd. 12). S. 3–239.
- Maximus Confessor*. Quaestiones et dubia // *Maximi Confessoris Quaestiones et dubia* / ed. J. H. Declerck. Turnhout: Brepols, 1982. (CCSG; vol. 10). P. 3–170.
- Nicetas Stethatus*. Centuria // PG. T. 120. Col. 851–1010.
- Nicetas Stethatus*. Epistula 2 ad amicum // *Nicéas Stéthatos*. Opuscules et lettres / Éd. J. P. Darrouzès. P., 1961. (SC; vol. 81). P. 58–63.
- Nicetas Stethatus*. De anima // *Nicéas Stéthatos*. Opuscules et lettres / Éd. J. P. Darrouzès. P., 1961. (SC; vol. 81). P. 64–153.
- Nicetas Stethatus*. De paradiso // *Nicéas Stéthatos*. Opuscules et lettres / Éd. J. P. Darrouzès. P., 1961. (SC; vol. 81). P. 154–227.
- Nilus Ancyranus*. Epistulae // PG. T. 79. Col. 82–582.
- Procopius*. Catena in Ecclesiasten (e cod. Marc. gr. 22) // *Procopii Gazaei Catena in Ecclesiasten necnon Pseudochrysostomi commentarius in eundem Ecclesiasten* / ed. S. Leanza. Turnhout: Brepols, 1978. (CCSG; vol. 4). P. 5–39.
- Ps.-Plutarchus*. Placita philosophorum (874d–911c) // *Plutarchi Moralia* / ed. J. Mau. Vol. 5.2.1. Leipzig: Teubner, 1971. S. 50–153.

Переводы

- Никита Стифат, прп.* Творения. Т. 1. Богословские сочинения / пер. с древнегреч. игум. Дионисий (Шленов). Сергиев Посад: Издательство Московской духовной академии, 2011.
- Добротолюбие на славянском языке. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2001.
- Добротолюбие в русском переводе. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1900. Т. 5.

Литература

- Воронцов С. А.* Преломление стоической и патристической традиций понимания схемы четырех добродетелей в сочинениях Исидора Севильского // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 108–114.
- Воронцов С. А.* Рец. на: *Bejczy I. P.* The Cardinal Virtues in the Middle Ages. A Study in Moral Thought from the Fourth to the Fourteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2011. VIII, 361 p. // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2012. № 3 (41). С. 146–149.
- Дионисий (Шленов), игум.* Учение о воскресении души у свв. Симеона Нового Богослова и Никиты Стифата // Преподобный Симеон Новый Богослов и его духовное наследие: Материалы Второй международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2017. С. 341–362.
- Дионисий (Шленов), игум.* Фрагмент о приобщении мудрости и знанию в трактате «Об иерархии» (32–40) прп. Никиты Стифата и его контекст // БВ. 2017. № 24–25. Вып. 1–2. С. 199–236.
- Дионисий (Шленов), игум.* Принцип «Познай себя» у прп. Никиты Стифата в контексте византийской традиции // БВ. 2018. № 28. Вып. 1. С. 96–126.
- Дионисий (Шленов), игум.* Учение о четырех родовых добродетелях в трактате «De virtutibus et passionibus», приписываемом прп. Ефрему Сирину, в контексте греческой патристической традиции // Преподобный Ефрем Сирийский и его духовное наследие. Материалы Четвертой международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия. Москва, 27–29 апреля 2017 года // Под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева). М., 2019. С. 352–364.
- Bejczy I. P.* The Cardinal Virtues in the Middle Ages. A Study in Moral Thought from the Fourth to the Fourteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2011.
- Becker M.* Die Kardinaltugenden bei Cicero und Ambrosius: De officiis. Basel: Schwabe, 1994.
- Bovendeert J.* Kardinale deugden gekerstend. De vier kardinale deugden vanaf Ambrosius tot het jaar 1000. Nijmegen: Radboud Universiteit, 2007.
- Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004.
- Liddell H. G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961–⁹1996.
- Mähl S.* Quadriga virtutum: Die Kardinaltugenden in der Geistesgeschichte der Karolingerzeit. Köln: Bohlau Verlag, 1969.

O'Connell. Cardinal virtues. Boston (Massachussets), 1918.

Pieper J. The Four Cardinal Virtues Prudence, Justice, Fortitude, Temperance. New York: Harcourt, Brace and World, Inc., 1965.

The Doctrine of St. Nicetas Stethatus on the “Four Main Virtues” in the Context of Ancient Byzantine Literature. Part I

Hegumen Dionisij (Shlenov)

PhD in Theology

Professor of the Philology Department of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

dionysij@mail.ru

For citation: Dionisij (Shlenov), hegumen. “The Doctrine of St. Nicetas Stethatus on the ‘Four Main Virtues’ in the Context of Ancient Byzantine Literature. Part I”. *Theological Herald*, vol. 32, no. 1, 2019, pp.192–209. (In Russian) doi: 10.31802/2500-1450-2019-32-192-209

Abstract. In the XI century a monk of the Studite monastery St. Nicetas Stethatus in the ascetic-theological corpus of his writings repeatedly used the expressions “main virtues” and “main passions”. The article attempts to uncover the meaning of the expression “main virtues”, to systematize the author’s ideas about the four main virtues, known to him from the ancient tradition through Christian authors, who continued to use this expression freely. The general context makes it possible to reveal the originality of the author, who compares the “four main virtues” with the fourfold part of the human soul as a great world compared to the external, small, world, which, according to ancient concepts, consisted of four primary elements. Particularly, an even more detailed comparison of the four virtues with the four abilities of the higher part of the soul, the mind, is considered. Along with this, the A. compares the five senses of the body and the five rational powers of the soul. For St. Nicetas the four main virtues are fundamental, which does not exclude the A.’s special attention to a number of other key virtues, such as humility and love. The doctrine of the four main virtues is missing from the corpus of St. Nicetas/St. Simeon the New Theologian, which more strongly emphasizes the more “school-like” and compilative nature of St. Stethatus’ heritage. The doctrines of Stethatus are considered in the context of ancient Byzantine literature.

Keywords: asceticism, Studite monastery, virtues, passions, the main virtue, symbolism of the number four, aretology.

References

Athanasius Alexandrinus. *Contra gentes and de incarnatione*. Oxford: Clarendon Press, 1971, pp. 2–132.

Aristoteles. *De anima*. Oxford: Clarendon Press, 1961, pp. 402a1–435b25.

Basilius Caesariensis. *Lettres*. Paris: Les Belles Lettres, vol. 1, 1957, pp. 3–219.

- Becker, M. *Die Kardinaltugenden bei Cicero und Ambrosius: De officiis*. Basel: Schwabe, 1994.
- Bejczy, I. *The Cardinal Virtues in the Middle Ages. A Study in Moral Thought from the Fourth to the Fourteenth Century*. Leiden; Boston: Brill, 2011.
- Bovendeert, J. *Kardinale deugden gekerstend. De vier kardinale deugden vanaf Ambrosius tot het jaar 1000*. Nijmegen: Radboud Universiteit, 2007.
- Gregorius Nazianzenus. *Die fünf theologischen Reden*. Düsseldorf: Patmos-Verlag, 1963.
- Gregorius Nyssenus. "De paradiso". *Gregorii Nysseni Opera, suppl.* Leiden: Brill, 1972, pp. 75–84.
- Joannes Damascenus. "Expositio fidei". *Die Schriften des Johannes von Damaskos*, vol. 2, B.: De Gruyter, 1973, S. 3–239.
- Lampe, G. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Liddell, H., Scott, R., Jones, H. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Maximus Confessor. *Quaestiones et dubia*. Turnhout: Brepols, 1982.
- Mähl, S. *Quadriga virtutum: Die Kardinaltugenden in der Geistesgeschichte der Karolingerzeit*. Köln: Bohlau Verlag, 1969.
- Nicetas Stethatus. *Opuscules et lettres*. P.: Les éditions du Cerf, 1961. (SC; 81).
- Nikita Stifat. *Tvorenija [Works]*, vol. 1, Sergiev Posad: Troice-Sergieva Lavra, 2011 (Russian translation).
- Pieper, J. *The Four Cardinal Virtues Prudence, Justice, Fortitude, Temperance*. New York: Harcourt, Brace and World, Inc., 1965.
- Procopius Gazae. *Catena in Ecclesiasten necnon Pseudochrysostomi commentarius in eundem Ecclesiasten*, Turnhout: Brepols, 1978. (CCSG; 4).
- Shlenov, D., hegumen. "Fragment o priobshchenii mudrosti i znaniuu v traktate 'Ob ierarkhii' (32–40) prepodobnogo Nikity Stifata i ego kontekst" ["A fragment about the accession of wisdom and knowledge in the treatise "On the hierarchy" (32–40) of St. Nicetas Stethatus and its context"], *Theological Herald*, vol. 24–25, no. 1–2, 2017, pp. 199–236. (In Russian)
- "Princip 'Poznaj sebya' u prp. Nikity Stifata v kontekste vizantijskoj tradicii" ["The principle of "Know yourself" in St. Nikita Stifat in the context of the Byzantine tradition"], *Theological Herald*, vol. 28, № 1, 2018, pp. 96–126. (In Russian)
- "Uchenie o chetyrekh rodovyh dobrodetelyah v traktate 'De virtutibus et passionibus', pripisyvaemom prp. Efremu Sirinu, v kontekste grecheskoj patristicheskoj tradicii" ["The doctrine of the four generic virtues in the treatise 'De virtutibus et passionibus', attributed to the venue. Ephraim Sirin, in the context of the Greek patristic tradition"], *Prepodobnyj Efrem Sirin i ego duhovnoe nasledie. Materialy CHetvertoj mezhdunarodnoj patristicheskoj konferencii Obshchecerkovnoj aspirantury i doktorantury imeni svyatyh Kirilla i Mefodiya. Moskva, 27–29 aprelya 2017 goda* [Rev. Efrem Sirin and his spiritual heritage. Proceedings of the Fourth International Patristic Conference of the Church-wide Postgraduate and Doctoral School named after Saints Cyril and Methodius. Moscow, April 27–29, 2017], 2019, pp. 352–364. (In Russian)
- "Uchenie o voskresenii dushi u svv. Simeona Novogo Bogoslova i Nikity Stifata" ["The doctrine of the resurrection of the soul in Sts. Simeon the New Theologian and Nikita

Stifat”], *Prepodobnyj Simeon Novyj Bogoslov i ego duhovnoe nasledie: Materialy Vtoroj mezhdunarodnoj patristicheskoj konferencii Obshchecerkovnoj aspirantury i doktorantury imeni svyatyh Kirilla i Mefodiya* [the Rev. Simeon the New Theologian and his spiritual heritage: Proceedings of the Second International Patristic General Church Postgraduate and Doctoral Conference named after St. Cyril and Methodius], *Obshchecerkovnaya aspirantura i doktorantura im. svv. Kirilla i Mefodiya*, 2017, pp. 341–362. (In Russian)

Voroncov, S. “Prelomlenie stoicheskoy i patristicheskoj tradicij ponimaniya skhemy chetyrekh dobrodetelej v sochineniyah Isidora Sevil'skogo [The refraction of the stoic and patristic traditions of understanding the scheme of the four virtues in the writings of Isidore of Seville], *Voprosy filosofii*, № 7, 2014, pp. 108–114. (In Russian)

--- Rev. of Bejczy I. *The Cardinal Virtues in the Middle Ages. A Study in Moral Thought from the Fourth to the Fourteenth Century*, Leiden; Boston: Brill, 2011. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya*, № 3 (41), 2012, pp. 146–149. (In Russian)